

ВЫНУЖДЕН ОТВЕТИТЬ

На сей раз гагрская независимая газета «Взгляд» (1991, № 4, октябрь) в лучших погромных традициях обрушила свой гнев на мою книгу «Очерки политической истории Абхазии» (Сухум, 1990). При этом издатели газеты Тенгиз Габуния, Валерий Орчукба и Арсен Хеция, как и редакция радиостанции «Голос Америки», решили сделать следующую оговорку: «Мнение авторов публикаций не обязательно совпадает с точкой зрения редакции газеты». Но это оправданно лишь в том случае, когда редакция имеет свою точку зрения. А потом не ясно, кто же все-таки редактор газеты «Взгляд»? Или редактор — это трое издателей?

ПОСВЯЩЕННЫЙ мне в моей книге материал занимает добрую половину всего номера «Взгляда». Его автором является директор Пиндунского исторического музея З. Агрба. Статья построена только на эмоциях, совершенно непрофессиональна, не содержит никаких документов, передергивает факты, смешает акценты и по сути дела ничего не опровергает.

Автор статьи упорно называет книгу «брошюрой» и «книжонкой»... под названием «Юсешь ветер, пожнешь бурю...» Бурю в стакане воды?

Убежден, что Агрба в моей книге прочитал лишь последние 40 страниц, т. е. краткую политическую биографию Нестора Лакоба. Первые же 100 страниц он, судя по всему, за был прочесть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что последний очерк книги он воспринимает как отдельную «брошюру» и «книжонку». Хочу посоветовать уважаемому директору музея впредь читать книги с начала, а не с конца, чтобы они потом не мерещились «брошюрами».

Сознавая, по всей видимости, всю уникальность своего автора, издатели «Взгляда» поступили, на мой взгляд, очень предусмотрительно, поместив от себя еще одну весьма существенную оговорку: «за достоверность имен, фактов и других опубликованных данных ответственность несет автор». Таким образом, они сами поставили под сомнение публикацию З. Агрба.

Что же вызвало его гнев? На стр. 131—132 я даю краткую документальную характеристику деятельности А. С. Агрба, который долгое время работал в аппарате ЧК и был одним из самых доверенных людей Берия. Иосиф Сталин и с февраля по сентябрь 1937 г. был председателем местного ЦКК. При нем же и при его участии в Абхазии в 1937 г. начались массовые репрессии. Опровергает ли документально этот факт З. Агрба? Нет. И не в состоянии его опровергнуть. Он лишь в ярости заявляет, оудто я возвожу напраслину на А. С. Агрба и даже сочиняю на него «пасквиль».

Но так ли это? Обратимся к документам и той «специальной литературе», которую рекомендует мне прочесть мой оппонент. Предварительно хотел бы только отметить одно весьма существенное обстоятельство: З. Агрба не только директор, но и племянник. Племянник А. С. Агрба. Но об этом почему-то он умалчал в своей огромной статье. Как видим, его заинтересованность более чем очевидна.

З. Агрба отмечает: «...Автор «Очерков» тенденциозно пишет о репрессиях в Абхазии во времена А. Агрба на посту председателя ЦКК. Вопрос репрессий в Абхазии очень болезненный, сложный. До недавнего времени абхазская интеллигенция по определенным, возможно, и разумным мотивам считала не нужным «оглашать» все, учитывая нежелательные и непредвиденные осложнения в отношениях между родственниками репрессированных и других личностей в маленькой Абхазии. Но если автор брошюры считает, что сегодня наступило время сказать правду, то она должна быть полной... Когда речь идет об А. Агрба, необходимо учесть, когда он «объявился» в Абхазии. Известно, что первая волна репрессий в Абхазии наступила до него, а вторая после его гибели. Можно было привести множество примеров, как А. Агрба, еще пока находясь на свободе спас жизнь многим товарищам, рискуя собственной жизнью».

Ясно, конечно, что слова эти были сказаны не без ведома Лаврентия Берия, который в свою очередь является вернейшим рупором «отца советского народа» Иосифа Сталина-Джугашвили. Таким образом, получается, что не только грузинификатор абхазцев Берия, но и его московский патрон Сталин не свободны от проявлений «местного национализма», который в иных районах СССР преследуется немилосердно. Такова логика советской действительности, создаемой Сталиным» (См.: Северный Кавказ, 1937, № 41, сентябрь, с. 39).

Таким образом, происходило распределение не только территорий, народов, но даже их языков, а Сталин, создавая большую империю, не забывал и о Грузии.

Переход абхазской литературы и письменности на грузинский алфавит осуществлялся при прямом участии Берия. В Абхазии эту кампанию возглавил верный ему человек, председатель ЦИК А. С. Агрба, который уже в марте-апреле 1937 г., совместно с секретарем обкома партии М. Гобечия, приступил к реализации этого плана. Именно они оказали решающее воздействие на группу видных абхазских интеллигентов, заполучив от них желаемый документ — письмо о целесообразности перехода на новую грузинскую графику.

Трагедия А. Агрба заключалась в том, что его борьба против Н. Лакоба и соратников последнего постепенно переросла в борьбу против своего народа.

В конце 1923 г. А. Агрба переводится на работу в Закавказскую чеку. С этого времени и вплоть до 1937 г. он находился в ближайшем окружении Берия. А после назначения Лаврентия в 1931 г. на пост первого секретаря ЦК Грузии — стал председателем Закавказского ГПУ. О том, что он был одним из самых доверенных людей Берия, говорится и в «специальной литературе», в частности, в «Военно-историческом журнале» за 1990 год. Дошло до нас и еще одно свидетельство: «Был такой работник органов НКВД и партийных органов Агрба, которого направляли работать в Абха-

зю этому поводу в печати отмечалось: «А. Агрба был одним из самых активных участников борьбы с антисоветскими, кулацко-контрреволюционными выступлениями в отдельных районах Азербайджана».

Эти слова принадлежат не мне. Можно себе представить, что было бы с Абхазией, если бы коллективизацию здесь проводил такой человек, а не Н. Лакоба. Подручный Берия выполнил бы любой приказ свыше. Как бы он повел себя, например, в феврале 1931 г. в Гудаутском районе в дни общенационального схода абхазского народа (З. Агрба даже не знает, что события эти имели место в 1931, а не в 1934 г.) — «кулацко-контрреволюционного, антисоветского выступления» по терминологии Берия, требовавшего пустить в ход артиллерию?

Лакоба сохранил свой народ, уберег его от массовых репрессий, которые повсеместно утверждались в стране. Он не проводил коллективизацию насильственными методами, не выполнял план по арестам и ликвидации «троцкистов». Если бы коллективизацию провели как «положено», то добрая половина абхазского народа оказалась бы в Сибири, а другая была бы уничтожена. Только за это Н. Лакоба заслуживает уважения и доброй о себе народной памяти. За то, что не выполнял слепо приказы, даже сталинские, хитрил, ловчил, изворачивался и, к счастью, не относился к категории большевистских фанатиков.

Автор статьи отмечает, что карьера Н. Лакоба «шла по восходящей линии, а статус Абхазии по нисходящей». Как это могло быть, когда он с 1922 по 1936 г. являлся главой правительства, находясь в течение 15 лет на одном уровне власти. Самом высоком, между прочим. Что касается изменения статуса Абхазии, то в моей книге (с. 88—91) довольно подробно говорится, как это все происходило и в каком безвыходном положении оказался Лакоба. Вопрос о статусе Абхазии был предопределен самой расстановкой политических сил в Кремле и может быть в 1931 г. произошло не самое

коба втянут в круговорот интриг, из которых ему не вырваться вплоть до трагических дней, которые история уготовила ему в самом конце его жизни». Не делают чести автору статьи и вот такие обороты: «Нужно было быть не только глупым, но и слепым...». Остальное — и повторять не хочется. А жаль: Я знал автора как порядочного человека.

З. Агрба упрекает меня и за слова Г. Зиновьева, которые неприемлемы для него даже в виде шутки, т. к. это «не скромно со стороны автора-однофамильца». Но на мой взгляд, это прежде всего факт истории и своеобразный колорит 20-х годов. Он считает «фамильным» заключительный очерк моей книги. Но дело в том, что Н. Лакоба в течение 15 лет возглавлял не род Лакоба, а Абхазскую республику и уверен, — очень многим было интересно ознакомиться с политической биографией этого человека и его поистине трагической судьбой.

Нестора Лакоба знала тогда вся страна. Алексея Агрба хорошо знали только в аппарате Берия. Конечно, Агрба не любил никаких излишеств, был очень скромным на службе, чтобы «во время приема рядовых граждан не вызывать смущения, их растерянности (сколько ханжества, лицемерия!) и так «было заведено у А. Агрба в Тбилиси и Баку». Точно такими же «скромными», «неприхотливыми» людьми были и Сталин и Берия, очень скромно начинавшие в Тбилиси и Баку. А еще, оказывается, А. Агрба кого-то спас от репрессий. Что ж, бывает. А разве Сталин и Берия не спасали единицы, уничтожая при этом миллионы?

Крайне возмущился автор статьи и такой моей фразой: «В начале следующего, 1937 года, Алексей Агрба вновь объявился в Абхазии». Возмущился даже не фразой, а словом «объявился». Да, Абхазия была его родиной, но он действительно объявился в ней, потому что прибыл в свой дом по приказу Берия в роли проводника его политики репрессий в Абхазии.

Слово «объявился» настолько задело З. Агрба, что он посчитал почему-то «уместным напомнить» о заграничной командировке Н. Лакоба в Турцию в 1920 г., в то время, как А. Агрба, дескать, находился в тюрьме. Что автор хотел этим сказать, — неизвестно. Ведь не за кожаными куртками Н. Лакоба ездил тогда в Турцию, т. е. в тот момент, когда А. Агрба томился в тюрьме. А разве Нестор не сидел в той же тюрьме при меньшевиках, да и в Турции подвергался аресту.

Далее директор музея отмечает: «Трудно согласиться с автором и в таком вопросе, как поездка Е. Эшба в Турцию (1920 г.) по поручению В. И. Ленина. Общеизвестен тот факт, что группу из Абхазии возглавлял Е. Эшба, а не Е. Эшба и Н. Лакоба». Во-первых, нигде в своей книге я не пишу, что Эшба и Лакоба возглавляли эту поездку. Во-вторых, нельзя не сказать следующее. В сентябре 1920 г. в Баку проходил съезд народов Востока. На нем был избран руководящий Совет пропаганды и действия, в который вошли Эшба и Лакоба. По решению этого Совета, Кавбюро РКП(б) и лично указанию Ленина «абхазская группа» направилась (декабрь 1920—март 1921 г.) в Турцию. В Турции эта группа разделилась на две части, одна из них во главе с Эшба участвовала в Анкаре в переговорах с Кемаль-пашой, а другая, под руководством Лакоба, хорошо владевшим турецким языком, вела подпольную работу в городах Ризе, Трапезунде, Константинополе. Вот и все, что я могу сказать по данному поводу.

Не выдерживает никакой критики и вот такое заявление: «Н. Лакоба не был сторонником разумной консолидации горских народов, возвращения абхазских махаджиров на их историческую родину». Опять не очень понятно: он что, принадлежал к сторонникам «неразумной» консолидации? Где факты? Еще в 20-х годах Нестор активно занимался проблемой махаджиров. Именно он являлся инициатором письма абхазо-махаджиров из Греции, которые ставили вопрос о возвращении на родину. Договоренность о их переезде была достигнута, но в самый последний момент МИД СССР пересмотрел это свое решение. В архиве сохранились интересные документы той поры — коллективные и личные письма изгнанных на имя Нестора Лакоба. После его гибели Берия, в связи с этим вопросом, ставил ему в вину «турецкую ориентацию» в политике. В 30-х гг. обстановка в стране резко изменилась и Нестор в официальных речах вынужден был порой высказываться иначе по сколькой махаджирской проблеме. Но удивительно, что одновременно, в деловой конфиденциальной переписке он продолжал нацупывать нити практического решения вопроса абхазских беженцев на самом высоком государственном уровне. По этому поводу в некоторых селах он даже созывал большие крестьянские сходы, однако, как это ни странно, поднимавшая проблема далеко не всегда встречала понимание и поддержку в самом народе.

Станислав ЛАКОБА:

«Я - ЗА
ИСТОРИЧЕСКУЮ
ПРАВДУ»

ПОЛЕМИКА

